

в облике Критициондуса подчеркиваются черты, сближающие его с Тресотиниусом: «На песнь „Прости мой свет“ я сочинил критику в двенадцати томах in folio. На трагедию Хорева сложил я шесть дюжин Елиграмм, а некоторые из них и на Греческий язык перевел; против тех господ, которые русские представляли трагедии, написал я на сирском языке девяносто девять Сатир» (с. 296).

Не довольствуясь этим, Сумароков прямо вводит в речи Критициондуса упоминание о своей первой комедии, называя высмеянного в ней противника «премудрым господином Шапеленом». Явно высмеывая занятия Тредиаковского переводом «Древней истории» Ш. Роллена, Сумароков продолжает перечислять заслуги господина Шапелена: «Он Геродота так хорошо перевел, что тем себе вечную приобрел славу. И как в переводе эту книгу читаешь, так и позабудешь, что это Геродот в переводе, и думаешь, что то какова-нибудь великого автора оригинал» (с. 297).

Уже то, что Тредиаковский отождествляется с Шапеленом, неоднократно высмеянным в сатирах Буало и заслужившим недобрую славу составителя критического отзыва на знаменитую трагедию П. Корнеля «Сид», придает насмешкам Сумарокова целенаправленность, ибо он вновь обращается к попыткам Тредиаковского выступить в роли критика. Этот момент как бы фокусируется в научном вопросе Финетты, обращенном к педанту: «Однако скажите мне: вы что-нибудь сделали ли кроме критик ваших? А что эта критика, я о том от туенядцов довольно слышалась».

Этот вопрос по-своему провоцирует новую тираду Критициондуса, наполненную самовосхвалениями и содержащую прямые намеки на уже упоминавшиеся мною сочинения Тредиаковского по орфографии.

Тредиаковский не смог адекватным способом ответить своему противнику, поскольку в принципе отвергал возможность для себя сочинения прозаической комедии, тем более сатирического содержания. Он поступил так, как обычно поступал в подобных случаях: попытался доказать несостоятельность памфлетных комедий Сумарокова, противопоставив им опыт древних. Тредиаковский обратился к переводу комедии Теренция «Евпух». Как постарался подчеркнуть уже в заглавии рукописи переводчик, авторитет античности освобождал его от упреков в невыдержанности жанра: «Комедия в пять действий с латынския Теренциевы от мерских самых срамословий очищенные стихами Василья Тредиаковского. 1752».

Переводу комедии им было предпослано теоретическое предисловие, в котором он обосновывал свой выбор и одновременно резко критиковал одноактные прозаические комедии Сумарокова, «больше сквернящие наш язык, нежели обогащающие». Тредиаковский отказывался считать явлениями искусства «малые» комедии в прозе, видя в них форму, родственную фарсам. Здесь он не делал исключения ни для национальной традиции, ни для европейских пьес мольеровского театра. «Не токмо самими нашими негодницами и беспутными я гнушаюсь, но и всеми на других